

1. Спасенников В.А. Принудительные меры медицинского характера, -СПб., 2003. С.41, 54, 55, 57, особенно: 345, 347 и далее
2. Шепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. -М., 2003. С.394-395
3. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера. -М., 2003. С.47-56 и др.
4. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987.С.8-9; Сирожидинов Д.В. Ограниченная вменяемость: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С.20
5. Bartol C.-R. Criminal behavior: a psychosocial approach. -New Jersey, 2001, p.126, Blackburn R. The Psychology of criminal conduct. New York, 2001, p.275
6. Комментарий к Уголовному кодексу РФ /Отв. ред. А.И.Рарог. -М., 2004. С.35; иная точка зрения изложена в монографии С.Ф.Милюкова. Российская уголовное законодательство: Опыт критического анализа. - СПб, 2000. С.57

УДК 94(47+57) + УДК 349.2

Пашин В.П., Шубин Б.К., Богданов С.В.

Курский государственный технический университет,

Губкинский институт (филиал) Московского государственного открытого университета.

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В СССР В 1920-1930-е ГОДЫ

В статье рассматриваются такие проблемы как прогулы, текучесть кадров в период НЭПа и создание планово-централизованной системы в СССР.

Проблемы трудовой дисциплины в СССР всегда стояли достаточно остро, не смотря на лозунговую патетику правящей номенклатуры об исключительно ином характере социалистического труда. Однако на протяжении практически более пятидесяти лет, с начала 1930-х по конец 1980-х годов, вопросы прогулов, хищений с предприятий, трудовых конфликтов не получили должного освещения в советской социально-экономической литературе. Более того, весь негатив, проистекавший от обезличенности труда и отсутствия должного материального стимулирования конкретного труженика, тщательно маскировался и скрывался от общественности под различными грифами секретности.

В современных условиях масштабных рыночных трансформаций, возникновения принципиально новых трудовых отношений обращение к отечественному историческому опыту борьбы за трудовую дисциплину является практически необходимым.

Придя к власти в октябре 1917 года, большевики дали мощный толчок развитию рабочей инициативы (Положение о рабочем контроле от 14 ноября 1917 года). Новые полномочные «хозяева» в лице фабрично-заводских

комитетов в одночасье получили от новой власти абсолютные полномочия по распоряжению имуществом, оборудованием, финансами предприятий. Повсеместно в руки самих рабочих временно перешло решение вопросов о размерах и формах выдачи заработной платы, материального снабжения и в целом мощные рычаги воздействия на государственную промышленную политику.

Однако уже вскоре обнаружилась полная несостоятельность надежд большевистского руководства на «пролетарскую революционную сознательность» и «высокую самоорганизацию трудящихся». Очень быстро финансовые средства предприятий были пущены на заработную плату, а отсутствие практического опыта управления фабриками и заводами не могло быть компенсировано никаким революционным пылом и энтузиазмом.

Зимой 1918 года в Центральном промышленном районе начались выступления рабочих, которые теперь уже были направлены уже не на прежних хозяев, а на новую, революционную власть. Беспорядки и волна стачек прокатились по многим регионам страны. В тот период политические лозунги довольно часто чередовались с экономическими.

Согласно сведениям отдела конфликтов Петроградского областного комиссариата труда под руководством С.Г. Струмилина, за период с ноября 1917 года по октябрь 1918 года только в Петрограде было зарегистрировано более 250 трудовых конфликтов, в том числе 10 крупных, приведших к остановке предприятий. В них приняло участие около 50 тыс. рабочих.[1]

Однако жесткая линия большевиков по регулированию социально-трудовой сферы со второй половине 1918 по 1920 годы привела к значительному сокращению политических выступлений против новой власти. Политические требования если эпизодически и возникали в рабочей среде, то скорее как средство нажима на власть при необходимости решить определенные хозяйственные вопросы, как угроза, реализовывать которую никто из рабочих всерьез не собирался, да и в тех обстоятельствах не мог.

В условиях невозможности денежного стимулирования из-за краха финансово-кредитной системы, а также практически реализуя собственную концептуальную установку на скорейший переход к «безденежной» экономике, большевики считали, что рабочая сила могла быть прикреплена к своим рабочим местам исключительно «внеэкономическими» механизмами: бесплатными коммунальными услугами, централизованным натуральным снабжением, государственным принуждением.

Однако приспособленные к условиям военного времени мероприятия большевиков в области трудовых отношений, оказались малоэффективными, более того губительными в после окончания вооруженного противостояния на фронтах гражданской войны.

Развал промышленности и голод в городах вынудил почти 1 млн. рабочих уйти в деревню. Крестьяне губерний, пораженных голодом, в свою очередь, также оставляли насиженные места в поисках куска хлеба. В 1921-1922 годах официально насчитывалось около 1,5 млн. беженцев. В 1920 году многие

отрасли промышленного производства находились на тонкой грани жизни и самоликвидации.

Требовался немедленный переход к новому экономическому курсу. Официально НЭП был введен в 1921 году. Но на X съезде РКП(б) об этом говорилось очень мало. Только в мае 1921 года на партконференции появляются термины «нэп» и «нэпманы».

НЭП означал допущение в экономическую сферу частника, иностранный капитал на правах концессии, существенный пересмотр всей политики в области труда и производственных отношений, основ социального страхования, признания факта безработицы и необходимости ее законодательного регулирования принципиально по-новому, нежели в условиях «военного коммунизма».

На XIV съезде ВКП(б) в 1925 году И.В. Сталин дал четкое определение пониманию НЭПа большевистским руководством, как особой политики пролетарского государства, рассчитанной на допущение капиталистических элементов, на их соревнование с элементами социалистическими, на победу социалистических, на конечное построение социализма. Однако большевики санкционировали те общественные отношения, последствия которых оказались куда более проблематичными, нежели они сами себе представляли.

10 сентября 1921 года после тщательной проработки появилось важнейшее решение правительства «Основное положение по тарифному вопросу». Решение было подготовлено Малым Совнаркомом и одобрено специальным совещанием руководителей всех крупнейших производственных объединений, созданных ВСНХ. В водной части декрета подчеркивалось, что реализация новой тарифной политики приведет к «самомотивации квалифицированной рабочей силы...» вокруг предприятия. [2]

Декрет СНК от 10 сентября 1921 года имел огромное принципиальное значение. Речь шла не просто о сумме практических мероприятий по совершенствованию тарифного вопроса, а о целой программе подъема экономики на основе совершенно иных, нежели при «военном коммунизме», принципах использования трудовых ресурсов.

На протяжении 1921/22 хозяйственного года происходит процесс денатурализации заработной платы, который способствовал фактической ликвидации карточной системы (см.: таблицу 1.). [3]

Таблица 1.

Средний месячный заработок рабочего в товарных рублях в 1921-1922 годах без прозодежды и коммунальных услуг

	В Москве			в Петрограде			В России		
	Деньгами	натурой	Всего	деньгами	натурой	всего	деньгами	натурой	всего
1921 г., 1-я четверть	0,24	4,34	4,58	0,26	3,33	3,59	0,23	3,13	3,36
1921 г., 2-я четверть	0,24	3,48	3,72	0,28	3,18	3,46	0,16	2,13	2,29
1921 г., 3-я четверть	1,40	3,20	4,60	1,00	(2,92)	(3,92)	0,61	1,82	2,43

1922 г., 4-я четверть	6,26	3,51	9,77	3,88	(3,26)	(6,94)	2,85	4,33	7,18
1922 г., 1-я четверть	4,51	4,55	9,06	3,50	4,23	7,73	2,02	4,15	6,17
1922 г., 2-я четверть	7,28	3,63	10,91	5,68	3,07	8,75	3,23	3,84	7,07
1922 г., 3-я четверть	11,54	2,59	14,13	11,16	2,78	13,94	6,10	2,68	8,78
1922 г., 4-я четверть	16,03	0,96	16,99	14,95	2,39	17,34	7,14	2,31	9,45

Таким образом, промышленные предприятия были поставлены в условия, при которых излишний баланс рабочей силы способствовал снижению финансовых показателей и уменьшал заработную плату квалифицированных работников и управленческого персонала. Заработная плата каждого работника теперь напрямую зависела от двух факторов: эффективности производства и количества работников. Тем самым был дан толчок возрождению рынка труда и подзабытой за годы «военного коммунизма» безработице.

Не случайно первые годы НЭПа вызвали массовые забастовки рабочих – далеко не все, особенно чернорабочие, приняли переход от «пайковой» системы с «выводиловкой» на валютную «рублевую» заработную плату по реальному труду.

Недовольство значительного количества низкоквалифицированных рабочих проявилось в стачках, которых было особенно много в первые годы нэпа: в 1922 году – 538 (около 200 тыс. участников) и в 1923 году – 536 (170 тыс. стачечников). С введением «полного» (валютного рубля), которым с 1924 года начала целиком выплачиваться заработная плата. Их число резко пошло на убыль: в 1924 году – 267 забастовок (50 тыс. человек), в 1925 году – 41 забастовка (20 тыс. человек).

Положительную роль в снижении социальной напряженности сыграл Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР 1922 года. Значительные изменения в социально-трудовой сфере потребовали пересмотра существовавшего с 1918 года законодательства о труде. Принятый в условиях разгоравшейся гражданской войны предшествующий КЗоТ носил отпечаток узкоклассовых приоритетов диктатуры пролетариата, и, естественно в новых условиях уже не выполнял своих нормативно-регулятивных функций.

С 1 января 1923 года вступил в действие Кодекс законов о труде (КЗоТ) РСФСР. Новый КЗоТ состоял из 17 глав и 192 статей, в которых на принципиальных иных условиях регулировались трудовые правоотношения, нежели в КЗоТе 1918 года. [4]

В 1920-е годы происходили значительные изменения в системе организации труда, трудовой дисциплине. Seriously снизилось качество управленческих решений. Не последнюю роль в этом сыграла прогрессирующая некомпетентность работников низовых властных структур, что, по мнению Орготдела ЦК ВКП(б), было особенно тревожным, т.к. невежество поразило даже сотрудников территориальных плановых отделов, от качества информации которых зависело принятие решений руководителями различного уровня. [5]

Многие из опытных руководителей производства погибли в гражданскую войну или эмигрировали. За один год умерли или были устранены

с руководящих должностей Красин, Сокольников, Дзержинский. Пришедшие вместо них Куйбышев, Микоян, Брюханов стояли значительно ниже.

В результате гражданской войны снизился профессионально-образовательный уровень рабочих (вместо опытных принимали из деревни, как правило, не имевших необходимой квалификации). Не лучше обстояло дело с «рабочей аристократией» - многими представителями среднего управленческого звена, членами завкомов. Согласно сводкам информационных подотделов отдельных губкомов ВКП(б) на предприятиях росло недовольство рядовых работников членами завкома из-за присвоения ими курсовой разницы с членских взносов, зарплаты рабочих и т.д. Участились случаи растрат. При этом особую тревогу у функционеров партии вызывал тот факт, что значительная часть этих проступков падала на членов ВКП(б).

Документы 1920-х годов свидетельствуют, что рост заработной платы в промышленности не покрывал постоянно увеличивавшиеся цены на продукты первой необходимости, которые приобретались на рынке. Согласно сводке информационного подотдела Ленгубкома от 28 марта 1924 года, указывалось на катастрофически низкий уровень заработной платы трудящихся морского ведомства, не обеспечивавшей даже «сокращенные насущные потребности семьи рабочего». [6]

Крайне тяжелое положение трудящихся промышленных предприятий способствовало значительному распространению краж с предприятий. Государство отреагировало усилением мер воздействия на правонарушителей: в Уголовном кодексе РСФСР в редакции 1926 года особо упоминалось о хищениях с предприятий (ст. 162, пункт «д»); со второй половины 1920-х годов в повседневную практику борьбы с хищениями вошли обыски работников предприятий.[7] Однако прогрессирующая в индустриальных центрах безработица вынуждала широкие массы рабочих «держаться» за свое место, не смотря на низкую заработную плату.

Согласно сведениям А.И. Гурова, «только в РСФСР в 1928 году в суды поступило более 1,5 млн. уголовных дел, по которым было осуждено около 1 млн. человек, что составило на 100 тыс. населения 1607 дел и 952 осужденных... При этом 22,1% лиц осуждались за имущественные преступления, в том числе больше половины - за кражи». [8]

В годы НЭПа, не смотря на существовавшую безработицу, довольно серьезной проблемой, особенно для государственного сектора, являлись прогулы. В 1928/29 хозяйственном году число прогулов (в днях) в промышленности страны составило 6,07, а по отдельным отраслям и того больше. В частности, в каменноугольной отрасли оно достигло 21,5 дня на каждого рабочего в год и приносило огромные материальные потери. Только за первые два года пятилетки страна недополучила из-за прогулов 1.568 млн. рублей продукции (в ценах 1926-1927 года). [9]

Расширенное промышленное производство требовало рационального использования трудовых ресурсов. Между тем, как признавалось на совещании в ВЦСПС 16 октября 1928 года, проблемой текучести рабочей силы никто не занимался.[10] В 1928 году из промышленности выбыло (в % к

среднесписочному составу) 92,4% рабочих, в 1929 году - 115,2%, а в 1930 году - 152,4% рабочих. [11]

Безусловно, одной из объективных причин значительного снижения трудовой дисциплины на предприятиях в конце 1920-х годов явились последствия целенаправленной политики правящей номенклатуры по «коммунизации» управленческого звена и падения роли старых инженерно-технических кадров.

На XV партийной конференции в ноябре 1926 года И.В. Сталин вновь упомянул о практике регулирования социально-трудовой сферы первых лет советской власти: «... мы пробовали этот путь в период военного коммунизма в виде организации трудовых армий. Но при этом больших результатов не добились. Мы пошли потом к этой цели обходными путями, и нет оснований сомневаться в том, что добьемся в этой области решающих успехов». [12]

Ностальгия по временам шумных экспроприаций и «военного коммунизма» со второй половины 1920-х годов все чаще стала прослеживаться в выступлениях и настроениях высших руководителей правящей партии. Как итог - в конце 1920-х годов был окончательно расчищен путь для перехода от чреватой негативным социально-политическим исходом для большевистской монополии на власть нэповской экономики к плановому хозяйству.

Анализ документов партийных и государственных органов 1930-х годов свидетельствует, что в условиях развернувшейся индустриализации довольно серьезной проблемой стала текучесть кадров не только рабочих, но и инженерно-технического персонала, в целом вопросы трудовой дисциплины.

В 1932-1934 годах были изданы уставы о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта, работников связи, гражданского воздушного флота, коммунальных электрических станций и сетей и т.д. Специализированные уставы предусматривали более суровые взыскания за нарушения трудовой дисциплины, чем общие правила внутреннего распорядка. Вопросы поддержания трудовой дисциплины входили в компетенцию производственно-товарищеских судов.

В начале 1930-х годов была усилена борьба партийных и хозяйственных органов с таким серьезным нарушением трудовой дисциплины, как прогул. Если в 1930 году на одного рабочего в год приходилось 4,49 дня прогулов, то в 1932 году уже было 5,96 прогульных дней. [13]

Характерной чертой общественного и административного воздействия на ликвидацию прогулов и укрепления трудовой дисциплины в начале 1930-х годов явилось то, что оно осуществлялось в рамках различного рода кампаний, когда внимание большинства концентрировалось на каком-то направлении. В результате на определенный промежуток времени снижалось количество прогулов, а спустя некоторое время, они вновь продолжали увеличиваться.

Однако ни собрания прогульщителей, ни товарищеские дисциплинарные суды, ни другие методы общественного воздействия должного эффекта в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины не имели. В условиях резкого роста прогулов 15 ноября 1932 года было принято постановление ЦИК и СНК

СССР «Об увольнении за прогул без уважительных причин». В нем говорилось следующее «установить, что в случае хотя бы одного дня неявки на работу без уважительных причин работник подлежит увольнению с предприятия или учреждения с лишением его права пользоваться выданными ему продовольственными и промтоварными карточками, а также с лишением права пользоваться квартирой, предоставленной ему в домах данного предприятия или учреждения». [14]

Инструкция народного комиссариата труда СССР от 26 ноября 1932 года регламентировала порядок применения этого закона. Кроме того, этот ведомственный документ рекомендовал применять и целый ряд противоправных положений. В частности, если рабочий, уволенный за прогул, не сдавал заборные книжки на снабжение и ордер на квартиру, то его следовало «привлекать к уголовной ответственности». Инструкция также разъясняла, что работникам, уволенным с формулировкой «злостные дезорганизаторы производства», предшествующая работа на данном предприятии не должна была засчитываться в стаж работы, и они не принимались на другую работу в течение 6 месяцев со дня увольнения. [15]

Применение жестких мер воздействия к прогульщикам оказало свое воздействие, хотя меры наказания были явно не адекватны степени проступка. Уже 19 июня 1933 года коллегия Наркомтруда РСФСР констатировала, что «прогулы в промышленности РСФСР после закона от 15 ноября сократились в 13-16 раз (по хлопчатобумажной и металлопромышленности - в 17 раз, а в кондитерской - в 18 раз). [16]

Но, как и прежде, как только очередной поход за трудовую дисциплину заканчивался, то волна прогулов и текучести кадров вновь накрывала производство. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 года «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» было выдержано в еще более жестких тонах и предусматривало целый комплекс мероприятий по наведению порядка на производстве. [17]

Существенным новшеством данного документа являлось введение персональной ответственности руководителей предприятий, учреждений, цехов и отделов за поддержание трудовой дисциплины среди их подчиненных «вплоть до снятия с работы и предания суду».

Апогеем в борьбе государства за трудовую дисциплину явился 1940 год. Указ 26 июня 1940 года ввел судебную ответственность за прогул по неуважительной причине: исправительно-трудовые работы на срок до шести месяцев с удержанием из заработной платы до 25%. В качестве санкции за самовольный уход с работы было установлено тюремное заключение сроком от двух до четырех месяцев.

Результатом явилось сокращение текучести рабочей силы и уменьшение числа нарушений трудовой дисциплины. Например, по Наркомату среднего машиностроения число прогулов с августа по декабрь 1940 года снизилось в 2,5 раза. По официальным данным только в Москве число прогулов в январе

1941 года по сравнению с августом 1940 года снизилось более чем в 4,5 раза, а по Московской области – в 3,5 раза. [18]

Однако, как только закончилась политика «завинчивания гаек» в сфере трудовой дисциплины, с середины 1950-х годов кривая прогулов и текучести кадров вновь поползла вверх. Так, в 1988 году в статистическом справочнике «Труд в СССР» были опубликованы следующие сведения: в 1965 году уволилось 20,5% среднесписочного числа работников промышленности, в 1970 – 21,2%, в 1975 – 19%, в 1980 – 16,1%; в строительстве показатели текучести были еще выше – соответственно 34,2, 33, 28,1 и 22,6%. [19]

Таким образом, советская история «освобожденного труда» убедительно подтвердила правоту высказывания столь часто цитируемого автором «Капитала» классика английской политической экономии А. Смита: «Человек, лишенный какой-либо собственности, может быть заинтересован только в том, чтобы есть возможно больше и работать возможно меньше». [20]

Pashin V.P., Shubin B.K., Bogdanov S.V. Problems of labour discipline in USSR in 1920-1930 years.

Resume: In clause such problems of labour discipline as truancies, fluidity of the staff in the periods NEP and creation of the plan-centralized system in USSR are considered.

ИСТОЧНИКИ:

1. См.: Трудовые конфликты в Советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 31.
2. Декрет СНК Основное положение по тарифному вопросу от 10 сентября 1921 г. // Собрание Узаконений. 1921. № 67. Ст. 513.
3. См.: Струмилин С.Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913 – 1922 гг. М., 1923. С.23- 40.
4. См.: Кодекс Законов о Труде РСФСР 1922 г. // Собрание Узаконений. 1922. № 70. Ст. 903.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7709. Оп. 1. Д. 2. Л. 305-307.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 16. Оп. 5. Д. 5259. Л. 44.
7. Там же. Оп. 6. Д. 6132. Л. 8.
8. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 101.
9. Большевик. 1932. № 21. С. 3-4.
10. ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 12. Д. 446. Л. 1.
11. См.: Труд в СССР: Статистический справочник ЦУНХУ Госплана СССР. М., 1936. С. 95, 109, 155, 187.
12. XV партийная конференция. 26 октября-3 ноября 1926 г. Стенографический отчет. М.-Л., 1927. С. 719.
13. См.: Турецкий Ш.Я. Себестоимость и вопросы ценообразования. М., 1940. С. 76.

14. Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. Об увольнении за прогул без уважительных причин // Собрание Законов СССР. 1932. № 78. Ст. 475.
15. ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 16. Д. 656. Л. 5-6.
16. ГА РФ. Ф. 390. Оп. 13. Д. 13. Л. 57.
17. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС. О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле. 28 декабря 1938 г. / КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 326-327.
18. История СССР. М., 1971. Т. 9. С. 336.
19. См.: Труд в СССР: Статистический сборник. М., 1988. С. 258.
20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. I-III. М., 1992. С. 533-534.

УДК 341.48

А.В. Переверзев

Белгородский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНОЕ И РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Статья посвящена проблемам борьбы с терроризмом на уровне отечественного и международного законодательства, указаны нормативно-правовые акты, существующие в этой связи в России и на международном уровне. В статье рассматриваются направления борьбы с терроризмом.

На сегодняшний день одной из наиболее важных и актуальных проблем всего человечества является терроризм. Если еще совсем недавно терроризм считался явлением довольно-таки редким, то за последнее время он вышел на первое место для общества, средств массовой информации и приобрел статус глобальной проблемы.

Масштабность и жестокость проявления современного терроризма, необходимость непрерывной борьбы с ним, прежде всего правовыми средствами, подтверждает актуальность выбранной темы.

Согласно международной классификации терроризм определяется как тяжкое преступление против человечества, т.е. тягчайшее противоправное деяние, которое нарушает основополагающие нормы международного права, имеющие жизненно важное значение для всего человечества и угрожают миру и безопасности.

Для борьбы с этим явлением государства принимают специальные конвенции, формируют собственное законодательство в соответствии с требованиями международных правовых актов, выделяя терроризм в отдельные преступления международного характера.

Одним из важнейших стратегических направлений в области обеспечения военной безопасности Российской Федерации является эффективное